

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

I. М а м о н т

Среди многочисленных и весьма разнообразных попыток установить происхождение этого слова ^I последняя по времени оказалась наиболее удачной. Отметив, что до завоевания Сибири мамонтовая кость и сведения о мамонтах должны были поступать в первую очередь за счет контактов русских с обскими уграми, М.Хини предположил, что источником слова мамонт является обско-угорское (мансийское или хантыйское) словосложение с буквальным значением "земля-рог", которое он реконструирует в виде *maṁont-/*m̄ṁont-/*m̄amout-/*m̄emout-².

Несомненно, что слово мамонт первоначально обозначало не само ископаемое животное, а мамонтовую кость — бивни, которые традиция северных народов обычно трактует как "рога" мамонта. Это обстоятельство, как и гипотеза М.Хини в целом, подтверждается данными ненецкого языка, ср. нен. ja' χота "мамонт" (букв. "самец земли, бык земли"), ja' namd "клык мамонта" (букв. "рог земли")³.

Некоторых уточнений требует только восстанавливаемая форма слова-источника. Предполагавшийся М.Хини первый компонент mām/ m̄m вряд ли мыслим с точки зрения мансийского или хантыйского словообразования (манс. mām "народ" представляет собой стяжение из māχim)⁴, мансийское слово со значением "рог" указано не-

^I Отчасти см. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, тт. I—IV. Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. М., 1964—1973. Т.П. С. 556 с литературой.

² Haimy L. The implications of Richard James' mainanto.// Oxford Slavonic Papers IX, 1976. С. 102—109.

³ См. Lehtisalo T. Juraksamojedishes Wörterbuch. Helsinki, 1956. С. 87; Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М., 1965. С. 820.

⁴ Lunkácsi B., Kálmán B. Wogulisches Wörterbuch. Budapest, 1986. С. 294.

верно (outə вместо ańt, ant, ańt).

Исходное словосложение в диалектах мансийского языка могло иметь вид maŋ-ańt (Сосьва), mēŋ-ont (Пелым), maŋ-ont (Верхотурье), maŋ-ańt (Тавда) и буквальное значение "земляной рог", ср. праманс. *mē "земля", *mēŋ "земляной" (где -ŋ - адъективный суффикс), *ēnt "рог". Передача этих диалектных форм через русск. мамант, мамант (в словарях конца XVIII и начала XIX вв., см. ССРЛЯ 6, 584)⁵; мамонтова кость, 1578 г. и рог мамонтовъ, 1609 г., см. СЛРЯ XI-XVII вв. 9, 24)⁶, мамонт, mamanto (у Ричарда Джемса, где ai = e) вполне закономерна: субституции ŋ → m могло способствовать ассимилирующее влияние начального согласного.

Непосредственно это словосложение в современных мансийских диалектах не засвидетельствовано (следует учесть, что многие западные диалекты, в том числе и диалект Верхотурья, исчезли в течение XVIII-XIX вв.). Однако весьма сходные формы из северного (сосьвинского) диалекта содержатся в двух вышедших уже после опубликования работы М. Хини мансийских словарях: maŋar-ant "мамонтовая кость" (от maŋ ar "почва, поверхность земли" и ant "рог")⁷; ma-ŋar "мамонт" (от mā "земля" и ŋar "самец, бык", ср. нен. ja' ŋora), mā-ŋar-ant "бивень мамонта, мамонтовая кость"⁸.

2. Тайга

М. Ряснен⁹ указывает в качестве источника слова тайга

⁵ Словарь современного русского литературного языка. ТТ. I-I7. М.-Л., 1948-1965.

⁶ Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. I-14. М., 1975-1988. Вып. 9. С. 24.

⁷ Kannisto A. Wogulische Volksdichtung. VII. Bd.: Wörterverzeichnis, bearb. von M. Liimola u. V. Eiras, hrsg. von V. Eiras. Helsinki, 1982. С. 188.

⁸ Munkácsi B., Kálmán B. Указ. соч. С. 82, 43, 289.

⁹ Räsänen M. Beiträge zu den altaisch-slavischen Berührungen // Commentationes fenno-ugricae in honorem Y. H. Toivonen. Helsinki, 1950. С. 131.

следующие сибирско-тюркские формы: тел. леб. шор. саг. койб. кызр. тайҫа "скалистые горы (так называют безлесные горы к западу от р. Катуня; противоположность: горы, покрытые лесом, к востоку от Катуня, черневой лес, чернь = жыш)", алт. тайга¹⁰. Это объяснение повторяет и М.Фасмер (IV, II), см. также Фасмер I, 482 о сибирск. (Даль) дайга "горы в верховьях рек".

Более точным в семантическом и историко-географическом отношении является, на наш взгляд, сравнение русск. тайга со словом taiga "sylva /лес" в диалекте (языке) томских (чулымских) татар, которое содержится в составленном около 1735 г. рукописном словнике Г.Ф.Миллера (ИГАДА, ф. 199, оп. 2, портф. 513, д. 22, л. 1; то же в составе сводного словника тюркских диалектов Сибири: ОР ИИБ, ф. 7 - Ф.П.Аделунг, № 102, л. 105 об.). Зафиксированное Г.Ф.Миллером слово доказывает, что семантическое изменение "скалистые безлесные горы → "лес, тайга" осуществилось еще на тюркской почве, а не в русском языке. Показательно, что в сводном словнике чулымское taiga выступает как эквивалент слова jisch у "чацких татар" (близки современным зуштинцам в Томском Приобье), в то время как у Радлова тайҫа и жуҫ даются в качестве взаимно противопоставленных географических терминов в хакасских и алтайских диалектах. Одновременно данные Г.Ф.Миллера позволяют считать наиболее вероятным ареалом первичного проникновения слова тайга в русский язык Причумылье. Любопытно - и, по-видимому, не случайно - что и первая известная фиксация слова тайга в русском литературном языке (по данным картотеки Словаря русского языка XVIII в.) связана с этим же ареалом: "До села Боготольского 29 вер. Дорога идет полями, еланями и березняками, тайги остаются вниз по Чумльму"¹¹.

¹⁰ Радлов В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893-1911. Т. III/I. С. 767; см. также: Ramstedt G.J. Studies in Korean etymology. Helsinki, 1949. С. 247.

¹¹ Радищев А.Н. Записки путешественника из Сибири. // Полное собрание сочинений. Т. 3. М.-Л., 1952. С. 273.

В публикациях Н.А.Баскакова по современным северным диалектам алтайского языка отмечено слово тайга "гора, покрытая лесом; тайга" в диалектах лебединцев и черневых татар"¹². Учитывая расхождения в значении с данными В.Радлова, можно заподозрить, что эти диалектные алтайские формы скорее испытали влияние со стороны русск. тайга, нежели явились непосредственным источником русского слова.

Поскольку этимологическое тождество тюрк. тайга, тайга "скалистые горы" и чулымск. тайга "лес" не вызывает сомнений, сохраняет свою силу гипотеза М.Рясянена о заимствовании тюркского прототипа из монг. * тайга (~ тюрк. дага, тага "гора", якут. таа "лес")¹³.

3. Т р у с ы

В русском переводе словарь М.Фасмера (IV, IIО) дополнен короткой статьей: "трусы мн. Заимств. из англ. trousers 'брюки'; см. Ушаков". Согласно "Краткому этимологическому словарю русского языка", непосредственным заимствованием из англ. trousers является трусики, которое "оформлено по типу уменьшительных существительных с суф. -ик", тогда как трусы - "собственно русское" и "возникло в результате усложнения основы в заимствованном трусики"¹⁴. См. еще то же объяснение у В.М.Аристовой¹⁵.

Очевидно, авторам этих интерпретаций осталось неизвестным франц. уст. trousses (мн.ч.) "короткие шаровары" ("Chausses

¹² Баскаков Н.А. Диалект черневых татар (туба-кижи): Грамматический очерк и словарь. М., 1966; Он же. Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). Грамматический очерк, тексты, переводы, словарь. М., 1985. С. 200.

¹³ Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.

¹⁴ Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961. С. 341-342.

¹⁵ Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты. М., 1978. С.55.

que portaient autrefois les pages, et que portaient aussi les chevaliers de l'ordre du Saint-Esprit... Les troussees, espèce de haut-de-chausse court et relevé, qui ne descendait qu'à la moitié des cuisses, et que l'on couvrait d'une demi-jupe" 16,

которое, несомненно, и явилось источником русск. трусн. Определенная сложность сопряжена с тем, что франц. troussees уже в XIX в. превратилось в историзм, тогда как слова трусн, трусники, по данным ССРЛЯ (15, 1055-1056, 1061), не встречаются в русском литературном языке ранее первой трети нашего столетия. Вероятно, впрочем, что эти слова бытовали в русском языке в качестве интимно-разговорного эквивалента слова панталоны существенно раньше (возможно, с конца XVIII в.), но употребление их оставалось столь же скрытым, как и использование самого демотата.

Франц. troussees "короткие шаровары", условно включаемое во французских словарях в одну статью с полисемичным trousse "связка, узел, пакет; ящик, сумка с набором инструментов; вид плотно облегающей куртки и т.д.", появляется как обозначение вида штанов только в XVII в. (словарь miège'a, 1677) 17 и представляет собой не собственно французский семантический дериват, а заимствование из англ. (ныне также ист., уст.) trous [trūz, trouz], truss [trʌs] "close-fitting breeches or drawers, covering the buttocks and tops of the things".

В английском языке эти слова известны со второй половины XVI в. и восходят в конечном счете к кельтскому названию (коротких) штанов - ирл., гальск. triubhas, совр. ирл. trius 18. Про-

16 Littré P.-E. Dictionnaire de la langue française, t. 4. Monte-Carlo, 1968. С. 6510.

17 Robert R. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française, t. 1X P., 1985. С. 534.

18 The Oxford English dictionary, vols. 1-X11. Oxford. T.X С. 408, 429-430. Poppe N. Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki, 1955. С. 408, 429, 430.

изводным от *trouse* является и англ. *trousers* "брюки", ошибочно указывавшееся в качестве источника рассмотренного русского слова.

4. Х а л т у р а

Слово халтура "небрежно выполненная работа" обычно рассматривается как продукт семантической эволюции диал. халтура (также халтуры, хамтура, хамтуры, хаптура) "поминки, похороны, даровое угощение на похоронах" и возводится к ср.-лат. *chartularium*, ср. - греч. *χαρτουλάριον* "поминальный список, который читает священник, молясь за упокой", см. Фасмер IY, 218 с литературой. Один из возможных вариантов схемы семантического развития дает словарная статья в ССРЛЯ I6, I8-I9: "Поминки по умершему; даровая еда, питье на поминках" - "Денежное вознаграждение за заказную (особенно поминальную) церковную службу" - "Пожива, выгода, добыча; взятка, отступное" - "Побочный легкий заработок сверх основного, обычного" - "Небрежная, недобросовестная работа, обычно без знания дела; вещь, сделанная таким образом, продукт такой работы". Р.Якобсон в своих комментариях к словарю М.Фасмера исходил из того, что данное слово из речи духовенства в качестве обозначения дополнительного заработка перешло в театральный жаргон, где последовательно обозначало "внеочередное выступление (*extracurricular performance*)", "спектакль на стороне", "небрежно сыгранный спектакль", чем и обусловлено особенно широкое употребление слова в конце прошлого и начале нашего столетия в актерской среде ¹⁹.

Эта этимология оставляет немало места для сомнений. Диалектные названия поминок (и вместе с ними укр. хавтур, хавтура "плата священнику", блр. хаўтуры "день поминовения умерших", Дзяды", польск. *chątura* "день поминовения умерших" - польское слово считается восточнославянизмом ²⁰, в фонетическом отноше-

¹⁹ Jakobson R. While reading Vasmer's dictionary // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics 1/2, 1959. С. 274.

²⁰ Warchoń S., Buczyński M. W sprawie wyrazu *chątura*. // Język polski, XLIII/4-5, 1963. С. 274-275.

нии довольно далеко отстоит от предполагаемого латино-греческого прототипа, однако неизвестны какие-либо промежуточные формы (например, *хартуларь, *хартула), которые могли бы подтвердить гипотетическую эволюцию звучания. Развитие значения хотя и может быть объяснено достаточно логичным образом, но все же выглядит необычно бурным и быстрым, как если бы перед нами был не спонтанный процесс, а направленное движение в сторону максимально широкого пейоративного значения. Этими обстоятельствами определяются осторожно-скептическое отношение к изложенной выше этимологии слова халтура (например, Шанский и др. 1961, 358), поиск альтернативных объяснений (из греч. χαλκος "мелкая медная монета" — эта версия вряд ли заслуживает внимания) и резонное предположение двух польских исследователей о том, что имело место звуковое и смысловое совмещение слова халтура (происхождение которого они признают неясным) с латино-греческим словом ²¹.

Мы считаем возможным объяснить слово халтура в его обычном, основном для современного языка значении как монголизм. Ср. письм. — монг. ²² xaltu "вскользь, небрежно" (xaltu kigsen "сделанный небрежно") с производным глаголом xalturi — "скользить", kele xalturi — "говорить шумно, путано, неразборчиво". От этого глагола образовано имя xalturiγa, которое в словаре Ф.Д.Лессинга фиксируется только со значением "скользкий; скользкое место", но, по-видимому, потенциально наследует и другое значение производящей основы — "небрежный, путанный; небрежность, путаница". Соответствующее лексическое гнездо в современных монгольских языках в той или иной степени сохраняет этот спектр значений: халха-монг. халти/хальт "кос-как, второпях, вскользь, небрежно, поверхностно", халтирах/хальтрах "поскользнуться, скользить", хал халтирах/хальтрах "оговариваться, говорить неправильно", халтираа/хальтраа "скользкий, скользкое место"; бурятск. халта "чуть-чуть, едва, слегка, мельком, ми-

²¹ Warchol S., Buczynski M. Указ. соч. С. 274.

²² Lessing F.E. (gen. ed.) Mongolian-English dictionary. Bloomington, 1973. С. 921.

моходом", халтирха "поскальзываться, скользить". Особенно существенны калмыцкие данные ²³: халтр "нечестный, халатный", халтрлх "делать небрежно, кое-как".

В доступных нам калмыцких словарях не представлено непосредственное соответствие письм.-монг. xalturiya, халха-монг. халтираа/хальтраа. Но очевидно, что такое соответствие должно было бы иметь современный облик халтра и более ранний (старокалмыцкий) — xaltura (о монг. * iya > калм. ā см. Порре 1955, 64), а по своей семантике коррелировать с халтр и халтрлх, то есть иметь значение "нечестный, халатный, небрежный; нечестный поступок, халатность, нечто небрежное", или, иными словами — "халтурный, халтура". Полное фонетическое и семантическое тождество позволяет квалифицировать русск. халтура как старокалмыцкое заимствование. (Переселение предков калмыков из Джунгарии в Нижнее Поволжье произошло в конце XVI — начале XVII вв., что, видимо, и является *terminus post quem* для заимствования).

Можно предполагать, что первоначально слово халтура имело ударение на последнем слоге в соответствии со звучанием в языке-источнике (ср. вариант халтура́ у В.И. Даля). Переносу ударения должна была способствовать аналогия с многочисленными абстрактными именами латинского происхождения на -ура (конечное ударение среди слов на -ура имеют только образования с предметным и собирательным значениями: кобура́, кожура́, конура́, мишура́, немчура́, пехтура́, снежура́).

Принимая упомянутое выше предположение С. Варлоха и М. Бучиньского, мы склонны считать, что монголизм халтура, распространившись в южной части восточнославянских говоров, контаминировал с созвучным *хартуларий "поминальный список, поминальное чтение" (скорее из ср.-греч., нежели из ср.-лат.), навязав последнему полностью свой звуковой облик и частично — пейоративное значение. Из этой контаминации проистекает весь широкий спектр упоминавшихся выше промежуточных значений. Разумеется, контаминации способствовали беглость, небрежность ("халтурность") как нередкие черты в чтении поминальных списков.

²³ Муниев Б.Д. (ред.). Калмыцко-русский словарь. М., 1977. С. 570.

В дополнение заметим, что значение "небрежный, халтурный" у слова халатный — которое в словообразовательном отношении несомненно связано с халат — могло развиваться также не без влияния рассмотренных выше монгольских форм.

5. Ш а л о п а й

В русских словарях слово шалопай, шелопай отмечается с середины прошлого века в формах шалапай, шелапай (ССРЛЯ I6, I248). Известны попытки объяснить его из франц. chenapan "негодяй, хулиган", из нем. Schlüffel, из тюркских форм типа тат. şalbak "дурак", узб. şalpan "человек с обвислыми ушами", şalpak "ленивый", а также связать с русск. шалить, шалый или холопай "батрак, слуга" (см. Шанский и др. I96I, 378 и Фасмер IY, 400, где существующие этимологии признаются неудовлетворительными).

Думается, что источник слова шалопай можно видеть в группе монгольских и тюркских образований ономастического характера, которые в конечном счете обязаны, вероятно, с упоминавшимися şalbak, şalpan, şalpak, но лучше объясняют фонетику и семантику русского слова. Особенно существенно тув. ²⁴ чалгаапай "лодырь, лентяй" (дериват от чалгаа "лень, ленивый"; о суффиксе -пай см. Исхаков — Пальмбах) ²⁵. В тюркских языках с меной ç на ş и с тенденцией к упрощению группы ly в l (такими языками являются казахский ²⁶, а также каракалпакский и ногайский) соответствующее слово могло бы звучать *шалайпай, *шалапай. Непосредственно подобные формы нам неизвестны, но ср. казах. şala "недоделанный, недоконченный, кое-как", şalaşai "неисполнительный, недоделывающий до конца" ²⁷; в современных словарях находим казах. шалагай "верхогляд (не доводящий дело до конца; относящийся к работе поверхностно)", каракалп. шалагай "верхогляд", шала-пула "кое-как, наспех, наскоро", ногайск. шалагай "не доводящий дела до конца". Далее ср. др.—

²⁴ Темишев Э.Р. (ред.) Тувинско-русский словарь. М., 1968. С. 513.

²⁵ Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка: фонетика и морфология. М., 1961.

²⁶ Ряснен М. Указ. соч. С. 156-157, 201.

тюрк. ²⁸ *salay bulay* "что-либо незначительное, совершенно несущественное" ²⁹, письм.-монг. ³⁰ *salayai, saliyai* "небрежный, неисполнительный; небрежность, неисполнительность", бурятск. *шала* - "томиться от бездействия", *шали* - "болтать вздор; бузить, задирается, хулиганить", *шалиг* или *шалиг шальцаа* "болтливый; пустой, вздорный, легкомысленный; задиристий, хулиганистый", *шальпадха* "недотепистый".

Диал. *шялпут, шелопут* "шалопай" вряд ли может быть возведено к некоему особому тюркско-монгольскому прототипу. Скорее всего, это сложение из *шалый* и *путь* (как и предполагают Фасмер I4, 400; Шанский и др. 1961, 376), "катализованное" тюркским заимствованием *шалопай*.

6 - II. Н а р а к у й, н а р м о т а, п е л е й,
п и с я г а, п у д е н и ц а, с я н

Объединение этих шести диалектных слов в одной этимологической заметке оправдано постольку, поскольку а) все они известны из "Словаря областного архангельского наречия" А.Подвысоцкого (Спб., 1885); б) все они квалифицируются в словаре М.Фасмера (Ш, 43, 44, 228, 268, 410, 827) как неясные или темные; все они без затруднений объясняются как заимствования из немецкого языка.

Наракуй (мезенск.) "наст, застывшая ледяная корка". Ср. нен. *пaгaкo* "весенний наст" ³¹. Ненецкое слово - диминутив к *пaгa* "наст; время наста, весна до ледохода", самод. * *пaгa* то же ³².

Нармота (печерск.) "вид гаги *Somataria spectabilis*". Ср. нен. (Сейда, Обдорск) *пaгmeti* "птица, обитающая на побережье

²⁸ Древнетюркский словарь. Л., 1969.

²⁹ От образований, подобных тюрк. *salay bulay*, *шала-пула*, ведет, по-видимому, свое происхождение и русск. *шалый-валый*, преобразованное по ассоциации с *шалить, валить*.

³⁰ Lessing F.E. Указ. соч. С. 162.

³¹ Lehtisalo T. Указ. соч. С. 283.

³² Janhunen J. *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsemojedische Etymologien*. Helsinki, 1977. С. 98.

Ледовитого океана", (Сёмжа) *nǎrmätj* "гага" ³³, *нарматы* "гага-ра-гребенушка", *яв' нарматы* "гага" ³⁴. Орнитоним образован от нен. *nǎrmej* "носовой хрящ, носовая раковина".

Пелёй (арханг.) "упряжный олень". Ср. нен. *ре́леј* "правый олень в упряжке; любой олень, запряженный сбоку от передового" ³⁵. Ненецкое слово — дериват от *ре́ла* "половина, часть, сторона", самод. **ре́ла* то же ³⁶.

Писяга (кольск., пинежск., шенкурск.) "одеяло на оленьем меху". Ср. нен. *рi* '(*рiв* — в косвенных падежах и сложениях) покрывало из шкур или сукна для женских нарт" ³⁷. Экспрессивный суффикс *-яга* (ср. *сотняга*, *коняга*) выступает в данном случае в роли расширителя основы, как и *икоряга*. Не исключено, что слово было заимствовано еще до утраты согласного *š* в номинативе основы, то есть из старонен. *рiв'* (ср. форму *рiв* в некоторых говорах наречия лесных ненцев); впрочем, такое предположение не обязательно, поскольку нен. *рi'* и сейчас употребляется преимущественно в таких формах и сочетаниях, в которых оно имеет вид *рiв-*. Ненецкое слово — исконное, ср. энецк. (тундр.) *pie'(s)* с тем же значением, нган. *hiə '(d)* "вид шубы из оленьего меха, сокуй".

Пуденица (арханг.) "веревка для привязывания груза на рыболовной сети". Ср. нен. *pid* "тетива невода" ³⁸. Суффиксальное оформление слова *пуденица* является, по-видимому, собственно русским. На исконность нен. *pid* указывает энецк. (тундр.) *pišo* с тем же значением.

Сян (арханг.) "поводок в оленьей упряжке". Ср. нен. *зап* "одна из двух плоских костяшек, скрепленных ремнем на узде оленьей упряжки" ³⁹, "костяшка недоуздка; недоуздок" ⁴⁰. Ненец-

³³ Lehtisalo Т. Указ. соч., с. 281.

³⁴ Терещенко Н.М. Указ. соч. С. 285.

³⁵ См. указ. соч. Lehtisalo . С. 376, Терещенко. С. 456.

³⁶ Janhunen J. Указ. соч. С. 120.

³⁷ См указ. соч. Lehtisalo , с.382, Терещенко, с. 472.

³⁸ Терещенко Н.М. Указ. соч., с. 483.

³⁹ Там же. С. 600.

⁴⁰ Lehtisalo Т. Указ. соч. С. 429.

кое слово восходит к сев.-самод. *vǎltǎ ср. энецк. (тундр.)
cedo "костяшка, скрепляющая узду на щеке оленя".

12. П р о ш к а

Совершенно излишней представляется попытка усмотреть в диал. (шенкурск., вятск., сиб.) прошка "нхательный табак" преобразованное *прочьа от чихать (Фасмер Ш, 387). Слово несомненно связано с польск. proch "пыль, порох, прах", proszek "порошок".

13. Р а ч ё к

Трактовка диал. (яросл.) рачѣк, род.п. рачка "маленькая клеточка для певчей птицы" как деривата от рака "ящик", раковина встречает морфологические трудности (Фасмер Ш, 450).

Можно предположить, что перед нами — заимствование из венг. rács [rãç] "решетка, решетчатая ограда", снабженное диминутивным суффиксом. Венгерское слово используется для обозначения разного рода решетчатых сооружений и устройств; о его этимологии (либо из фин.-уг. *raçz "решетка, решетчатая ограда, решетчатое устройство для рыбной ловли", либо, возможно, из слав. *raçь "рачий", если слово первоначально обозначало загородку для отлова раков) см. следующие материалы: 41.

В ярославские говоры заимствование могло проникнуть через жаргон офеней, вошедший в себя (главным образом благодаря контактам с разносчиками-словаками) некоторое число венгерских заимствований. Ср. происхождение таких диалектных слов,

⁴¹ См. Kniezsa I. A magyar nyelv saláv jövevényiszavai, I-II. köt. Budapest, 1974. С. 726-727; A magyar nyelv történeti-etimológiai szótara, I-IV. köt. Budapest, 1967-1984, 3. С. 327; Redei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch, Lfg. 1-7. Budapest, 1986-1988. С. 418; A magyar szókészlet finnugor elemei; Etimológiai szótár, 1-3. köt. Budapest, 1967-1978. С. 522.

как воронежск. хазина "постройка" (венг. ház "дом", ср. также хаза "дом, притон" в воровском арг), костромск. халеть "умирать" (венг. hal "умирать"; ср. попытку увидеть в диалектном слове мерянское субстратное наследие)⁴².

⁴² Ткаченко О.Б. Мерянский язык. Киев, 1985.